

СОЛНЦЕСТОЯНИЕ

ЛЕТО

СТИХИ КУЗБАССКИХ ПОЭТОВ

СОЛНЦЕСТОЯНИЕ

ЛЕТО

«ОФСЕТ»
КЕМЕРОВО
2015

РОДНИК

Блестит вода, как в сказочном копытце,
В замшелом срубе, вкопанном в межу.
Я прихожу, чтоб из него напиться,
И как я встречей этой дорожу!
Ах, как приятно в тишине дремотной,
Средь дружески кивающих вершин,
Склонясь, наполнить влагой искромётной
Видавший виды глиняный кувшин!
И пить, да так, чтобы не только глотку
Струя воды внезапно обожгла,
А чтоб она текла по подбородку,
Чтобы она за шиворот текла.
Кипит родник, воркует голубино,
Прохладой вея на клубничный луг.
Над ним краснеет старая рябина,
Малина густо разрослась вокруг.
И все года, под ярко-алой зорькой,
На гладь воды, что как слеза чиста,
Всё падают – то плод рябины горький,
То сладкий плод с малинова куста.

*

Дождик льёт, дождик льёт,
Мчит вода из балочек.
Метко дождик бьёт в лёт
И шмелей, и бабочек.
Капли падают, звеня,
То орлом, то решкою.
Ты далёко от меня –
Там, за горной речкою.
Там белеет твой платок
Сквозь стекло оконное...
Но гремит, гремит поток
И ручьи окольные.
Только я к тебе приду,
Посижу, порадую.
Если брода не найду –
Перейду по радуге.

ЛЕТО В ОДЕССЕ

Лодка под парусом, солнце
Жаром колышет эфир –
Узеньким взглядом японца
Я познаю этот мир.

Шире глаза не откроешь –
Слепит светило в лицо,
Друг мой, по-местному «кореш»,
Тянет со мною винцо.

Сколько здесь разного люду
Бродит почти нагишом...
Дней ещё десять пробуду
Я здесь залётным бомжом.

В море глазастом, бездонном
Прячусь от ласковых пуль
Женщины в платье зелёном –
Лето в разгаре, июль...

СЕМЕЙНОЕ ФОТО

Ни весточки от вас – ни звука,
Лишь гром небесный в облаках.
Мы все похожи друг на друга,
Как отраженье в зеркалах.

Гляжу на старенькое фото,
Где мы все вместе, в той поре –
Вот брат мой до седьмого пота
Дровишки колет во дворе.

А вот отец корзинку ладит –
Вновь по грибы, за край села...
Сестрёнка в доме кошку гладит –
У всех свои, свои дела.

...Но день за днём желтеет фото
И выцветает летний двор.
И мне, как в юности, охота
Перемахнуть через забор

И на просторах огорода
Под грядки землю распахать...
Гляжу на выцветшее фото –
Волненье не могу унять.

КОРОСТЕЛЬ

Коростель, товарищ мой давнишний,
Вновь всю ночь не спится нам в тайге.
Что в затихших травах говоришь ты
На своём скрипучем языке?

Коростель мой, серенькая птица,
Ты собою вовсе неказист:
Хвост торчком, как сломанная спица,
Длинноног, совсем не голосист.

Но скрипишь себе, и песня эта –
До конца по-своему твоя.
С этой песней я встречаю лето,
С этой песней вновь рождаюсь я.

И тебе скажу я, не скрывая,
Ради этих елей и берёз
Землю всю от края и до края
Я прошёл бы, если б довелось.

РОДНИК

Ветки над тропкой нависли.
Выше – простор ветерку.
С вёдрами на коромысле
Я прихожу к роднику.

Здравствуй, искристая влага,
Скрытая хвойной иглой.
Сердцу нет высшего блага –
Слиться с отцовской землёй.

Вижу густые, родные
Ели в раздолье теней –
Это хоромы резные
Жизни простецкой моей.

Утром для счастья немножко
Надо в таёжном дому:
Был бы родник да дорожка
Через пихтовник к нему.

ЛЕТО

Через рвы и канавы
С опрокинутой тучи
Расплываются травы
Широко и летуче.

А по гнёздам, взгляни-ка,
И у махонькой птички
Песня, как земляника,
Зреет в каждом яичке.

Целит солнце в макушки.
Всё живое смеётся.
Даже в крохотной мушке –
Часть всесильного солнца.

В комаре и осине
Радость жизни и света.
Мне не осень, не зиму –
Мне бы лето и лето!

*

Сосны сдвинулись с места.
Дятлов смолк перестук.
Ты выходишь из леса
На расцвеченный луг,
Где шмелей в жёлтой кашке
Важный вяжется гуд
И ромашки, ромашки
Рядом к речке бегут.
И застыл над опушкой
Чибис в синь-синеве.
Солнце милой зверушкой
Кувыркнулось в траве.
А потом на осоке,
Где от ломаных ив
Прямо в омут глубокий
Круто падал обрыв,
Ты сидела у кромки,
Тихо-тихо дыша,
Молча божью коровку
На ладошке держа.
За талинник лиловый
Зорька шла зоревать...
Только нужного слова
Не сумел я сказать,
И резная косынка
За речной травостой
Скрылась белой кувшинкой
Под зелёной водой.

В ЛЕС УЙТИ...

В лес уйти не от жизни, а к жизни –
Дятлов слушать, ловить окуней,
Чтоб дыханье родимой Отчизны
Ощутить и осмыслить полней.

В птичьих криках и травах узорных,
В озарения благостный час
Усмотреть изначальные корни,
От рожденья живущие в нас.

Над мирской суетой усмехнуться,
Помолчать у костра в полумгле,
И счастливой слезой задохнуться
От любви к этой доброй земле.

*

В глубоком зените колодца
Плетёт паутину куржак.
Мы – дети холодного солнца:
Полгода сугробы лежат.

Несём, словно платим налог,
Мороза терновый венок...
Приходят, как белые ночи,
Цветут – ленинградских короче,

Ломают соломинку льда
Черёмуховые холода.
И лето почуявший школьник,
Как в галстукe красном шиповник!

Ребёнок холодного света,
За месяц согрелся земляк.
Но дышит короткое лето
Колодцу в озябший кулак.

*

Скука... Теннис до упаду
По хвоинкам на столе.
Старый дождик пойман в кадку.
Лето правит на земле.

Костяники три икринки,
Душно в папоротниках.
Хлебный квас из потной кринки –
Не напиться им никак!

Дышат солнечные пятна
Заслезившейся смолой.
И, покачиваясь пьяно,
Крупной мухой стонет зной.

Сосны сбрасывают шишки,
По затылку норовя,
Чтоб не знала передышки
Жизнь беспечная моя!

Чтобы верить – было вправду
Это с нами на земле:
Лето, теннис до упаду
По хвоинкам на столе.

*

Серебристый воздух сквозь деревья
Робко начинает оживать –
Это возникает от доверья
Меж рукой и веткой благодать.

Безоружно-восхищённым взглядом
Разве ранишь быстрое крыло?
Надо мной, над птицею и садом
Равномерно в мире рассвело.

На душе светло. Согласен разум.
В долгий день из дома выхожу.
И звезду, не видимую глазом,
Я в ладонях в памяти держу.

Любим лето, чтобы день был долгим
И мгновенье жизни нашей длил...
Ласточки запомнят, сколько добрым
Существом ты в этой жизни был.

*

Блаженствую на пляже. Загораю.
И любит по песку водить рука,
Как будто позабыл и вспоминаю
Знакомое тепло издалека.

Так далеко, что раньше, чем из детства.
Но можно, загорев до дикаря,
Уитменовским зрением взглядеться
В другую жизнь сквозь смолку янтаря.

И наслаждаясь солнечною ленью,
Забыв о том, что и своё бежит,
Держать в горсти просыпанное время
Других, нам уступивших эту жизнь.

ВОСПОМИНАНИЕ О ПИОНЕРСКОМ ЛАГЕРЕ

Пионерского горна бодрящий родник –
Выбегаем, от холода съёжив лопатки!
Вон и я в синей майке навыврост возник...
Начинается день – под баян – с физзарядки!

Начинается лето, лагерь, первый сезон.
Нас вчера завезли, укачав на трёхтонке,
На ухабах подпрыгивал горизонт,
И визжали всё время от страха девчонки!

Я ещё не решил до конца, как мне быть:
В тот иль в этот кружок записаться мне надо!
И кого я таинственно буду любить –
Верку или с косой из шестого отряда?

Мы дерёмся, растём, нарушаем режим...
Я тогда и не думал совсем, что когда-то
Станет всё это детством счастливым моим
Возвращаться на крылышках зябких лопаток.

ЛЕСНОЕ ЛЕТО

За лето на даче
Мы так одичали:
По солнцу ложились,
По птицам вставали.

И ноздри дразнило
Зелёным озоном
Сосновое утро
В окне растворённом!

И, словно лукошко,
Был с горкой наполнен
Отборной клубникой
Берёзовый полдень.

И чуть горьковатый
Рябиновый вечер,
Намаявшись за день,
Клевал на крылечке.

И сны собирала
Кедровая полночь:
Спешила тропинка
Кому-то на помощь,

Смеялись веснушки,
Носы облезали,
И в речку с разбега
Обрывы ныряли...

А тот, кто всё лето
Дружил с гамаком,
Как будто был пойман
Лесным пауком!

*

Облака последние крылами
Птицы по-хозяйски подмели.
Шевеля глубокими корнями,
Трудится дыхание земли.

Безразмерны дни. И, как спортсмены,
Догоняя целый день траву,
Веток зеленеющие вены
Тянут, аж с присвистом, синеву.

Только дни не тянутся – несутся!
И пойдёт сибирская колба
В дудку – не успеешь оглянуться,
Не успеешь пот стереть со лба.

И, раздев молоденьких попутчиц,
Летний день воздушным, наяву,
Поцелуем бабочек-капустниц
Улетает с губ: «Июнь – ау!»

*

Стою, потрясён, распахнут,
под сенью лесного хода.
Шумит... Зеленеет... Пахнет...
Воспрянувшая природа
всё глубже – за вдохом выдох –
ноздрями моими дышит,
глазами моими видит,
ушами моими слышит.
Какое-то наважденье.
Но если взяла ты разом
мой слух, обонянье, зрение –
бери заодно и разум.
...Со мной она станет мною,
осмыслит себя – охнет...
Уйду – за моей спиною
ослепнет она, оглохнет.
Ведь если меня не будет,
свой шелест листва забудет
и жгучесть свою – крапива.
И смятая эта ветка
не сможет без человека
воскликнуть: «Несправедливо!»

ЛЕТО 1993 ГОДА

Это лето было таким зелёным –
Полноводные реки струились-текли в небесах.
Сын просыпался и засыпал изумлённым,
Не в силах вместить летний день в глазах.

И вновь просыпался и смотрел вместе с нами,
Как жук изумрудный влетал в окно.
И зелёное лето его глазами
Увидеть было и нам суждено.

А сын умывался водою смородиновой,
С ветерком-полотенцем кружился-дружил.
И называл Журавли своею Родиной:
«Родина... – это где я родился и долго-долго жил...»

И собирал на змеиных припёках клубнику,
Заходил-замирал с опасением в озерцо,
И рассматривал чёрную волнистую улитку,
Словно к увеличительному стеклу наклонив лицо.

А лето дрожало стрекозой в зенице
Над головою сына в снежно-клубящихся облаках.
И вспыхивали слёзы, и радуга соединяла ресницы,
И сын засыпал и просыпался у меня на руках.

*

Настоян бор на Божьем свете –
От жарких пятен хвойный дух.
В кустах сияющие сети
Паук расставил – ловит мух.

Я, в дачном забываясь кресле,
В созвучьях душу извожу:
То радуюсь, то мучусь, если
Четыре строчки не сдружу.

Жую хвоинку, хмурю брови,
Не смея заикнуться вслух.
А мир стоит на Божьем слове,
Сосновый источая дух.

*

Стихи нахлынули, как слёзы, –
Какие же стихи без слёз?
И одуванчиковые грозы
Сверкают в крылышках стрекоз.

Темнеет воздух, ярче зелень,
Голубизна ворчит всерьёз.
Готов, как порох, вспыхнуть ельник,
И сгинуть хоровод берёз.

Всё ближе ливень, жарче солнце,
Стрекозым крылышком шурша,
Гроза искрится... И смеётся
От страха детская душа!

*

Влажно-зелёный летний закат.
Тополь в полнеба чёрно-зелёный.
Если влюблённый не виноват,
То виноват – только влюблённый.

Ясно-зелёная краткая ночь.
Яд одиночества слаще смирения,
И невозможно себя превозмочь,
Чтобы не стиснуть запястья сирени.

Страшно и сладко сидеть одному
С веткой сирени, сломленной только.
В этом прозрачно-зелёном дыму
Таёт-не-таёт лунная долька.

Длится и длится летний закат –
Неуследимый и странно-зелёный.
Если влюблённый не виноват,
То виноват – только влюблённый.

*

Божество живёт в семье,
В Журавлях на нашей даче –
Обитает в синеве
Карих глаз, а не иначе.
Божество сопит в сынке
На крылечке под сосною
И висит на волоске
Паучком передо мною.
Вот оно бежит-кряхтит
По тропинке с помидором,
Стрекозой протарахтит
Над вечнозелёным бором.
Да и кто с ним не знаком? –
С Духом радостно пресветлым,
Схожим с колыбельным ветром
И недельным мотыльком.
Божество живёт везде:
В здешнем озере-Подкове,
На летающей звезде
И, конечно, в Честном Слове.
Потому и не найти
Места или миг без Бога!
Нужно только подрасти
И тихонько поползти,
Как сыночек, до порога.

*

Сжигаю пижму на костре
С букетом вянущих ромашек,
В горящей ярко бересте
Слежу за искрами букашек.

И вижу – как издалека –
Твоя рука срывает пижмы,
И кучевые облака
Над нами снежно-неподвижны.

Чуть-чуть горчит твоя ладонь
От пижмы в пламени теплыни –
И медлю я бросать в огонь
Охапки голубой полыни.

*

Полупрозрачный дождик травный
В сухом бору – почти бесправный –

Сквозь иглы сосен морозящий
И бусы бузины слезящий.

Не дождь – скорее Божья Милость
В сосновых яслях сотворилась:

Новорождённый небом лепет,
Рябиновых пелёнок трепет,

Напев чуть слышный колыбельный
Сосны коряво-корабельной

И в шелест паруса невнятный.
Вбегают дождик мягкий, мятный,

На цыпочках – ещё нездешний –
Над папоротником встал, утешный.

Он здесь, он есть – и нет его –
Святых заметить нелегко!

ОЗЕРО-КОПЫТЦЕ

Загляну в живое зеркальце озерца,
В зеленоватую воду – там жуки-плавуны.
И вижу облачность своего лица
Из небесно-озёрной моей глубины.

Метнётся синемолниевая стрекоза,
Но воздух сознания прозрачно неуязвим.
И мои глаза изучают мои же глаза,
И кажется, что я не один – а с ним.

С кем? – я не знаю пока ещё:
В сознании воздуха – тени от облаков,
И он заглядывает через моё плечо
Нестерпимыми вспышками зрачков!

Это же солнце в зеркальце озерца!
Закрою глаза... – в них жуки-плавуны
Ныряют – огненные – в глубину моего лица,
И зеленоватые травы восходят из глубины.

ВОСПОМИНАНИЕ О ЛЕТЕ 1991 ГОДА

Остров – длинный, как день... и речная излука...
Из-под облака луч выпущен, как из лука.

Обмелевшая Томь по колено коровьему стаду.
Мы с тобой накупались и набрызгались до упаду.

Раскалённый песок, под ступнёй оголённая галька,
И сквозь воздух ныряет-сквозит иглокрылая чайка.

Остров мятой зарос – запах мяты томил и томился.
Точно посох сухой, полдень молнией вдруг преломился:

Отстранённый тот треск воли потусторонней,
Перепляс двух стрекоз, хриплый окрик вороний,

Потемневшей листвы замирание предгрозовое...
Остров – длинный, как день...

Мы по отмели бродим... нас двое...

В серебристом и знойном зимнем запахе мяты,
В глубине поколенной, склоняясь, находим агаты.

А потом ты кормила грудью нашего сына,
И вокруг простиралась спасительно Божья пустыня.

ЛЕТУШКО В ЮГО-АЛЕКСАНДРОВКЕ

Розовеющее пламя кашки –
Как пойдешь по Лёниной дорожке,
Переливчатые райские букашки
В полевом гостят горошке.

Облачко телячее над нами –
Ты его глазами провожаешь,
Розовое обрываешь пламя,
На ладони шарик разминаешь.

За телёнком – тученька-корова –
Полное дождём клубится вымя.
Ты, жена моя и тонкоброва,
Нежно произносишь моё имя.

С головой тебя скрывает донник,
Но к дорожке вывел подорожник.
Где-то сверху громыхнул подойник,
И закапал млечный-млечный дождик.

Ягодные спелые гостинцы
Собирает летушко в лукошко.
Мотылёк трепещет на мизинце.
Стрекозиная в плечо вцепилась брошка.

*

Заавгустели облака.
В прохладных отмелях река.

Как после необъятной кражи,
Пустынны и просторны пляжи.

И посреди Томи рыбак
Уже не объясним никак.

ВОСПОМИНАНИЕ О ДЕТСТВЕ

Я еду верхом на коне,
К отцу снарядили с едой,
И деда пилотка на мне
С остроконечной звездой.
Вот солнце уходит с небес.
Въезжая в Разбойничий лес,
Я крепче прижал узелок –
Выцветший мамин платок.
У страха глаза велики.
Мой конь убыстряет шаги.
Вот поле. А вот и луна.
Вот и сушилка видна.
Отец на току сторожит,
С ним рядом я, греясь, прилёт.
А сверху с улыбкой глядит
Ласковый бабушкин Бог.

*

Листва наперечёт
Нацелена на Млечность.
Я слышу, как течёт
В прожилках человечность.

И гулкий небосвод
В эпоху ветровую
То жизнь мою качнёт,
То былку полевою.

ЖЕЛАНИЕ

Судьбу свою вывалить в глине,
В зелёной измазать траве...
И сердцем срастись с сердцевиной,
И, недоступным молве,
Шуметь, зеленея ветвями,
Тревожить озёрную гладь,
И вдаль простираться степями,
И спелые зёрна ронять,
И дровом с ветвями-ручьями
На всю распластаться страну
И в бесконечном журчанье
Ночами цедить тишину.
И табуном на рассвете
С ночлега – что взмах, то верста! –
Промчаться вдоль длинного лета
И землю, как ливень, хлестать...
Да слиться судьбой воедино
Мне с миром высоких чудес,
Где вышит крестом журавлиным
Застиранный ситец небес!

*

Взмахи веток и солнце с утра,
Вздохи ветра и ливня потёки,
Хрупкий голос кивающих трав...
Вот они, этой жизни истоки!

Как токует оглохший глухарь,
И кукушка как славно кукует!..
Даже самый толковый словарь
Так толково про мир не толкует!

*

На родину еду, на родину еду.
Змеится дорога, купаясь в пыли.
Поляны и рощи то тянутся следом,
то вновь выплывают из дальней дали.

И всё, что ни вспомню, овеянный грустью
под мерные скрипы тележных колёс, –
порою подступит – мелькнёт и отпустит,
порою подступит – доводит до слёз.

По тайному зову, по давнему следу
сквозь редкий околок вдоль хлебных полей
на родину еду... На родину еду.
Поездки всё реже, и путь всё длинней.

И всё, что ни встречу дорогой в селенье –
печаль об ушедшем глуши-не глуши –
всё снова приводит в глухое волнение
и мимо проходит в вечерней тиши.

И вновь это царство покоя и грусти
в мерцающей дымке родимых берёз
порою подступит – мелькнёт и отпустит,
порою подступит – доводит до слёз...

*

Прямо в сад выбегали ступени,
было их ровно пять у крыльца.
И под запах дождя и сирени
я разбужен был песнью скворца.
В ожиданье восторга и счастья,
доверяя скворцу,
 наугад
окна – настезь и сердце – настезь,
пять
 шагов,
 пять
 ступенек
 и – в сад!

А в саду в деревьях ликование!
Горлопан, менестрель, этот спец,
в полуобморочном состоянье
заходился от счастья скворец!

И прохладу июньского сада
ощущая кожей всей,
я бежал до дальней ограды,
с головы и до пяток в росе.

И представить мне было так трудно,
что бессмертья и вечности нет.
Просто было июньское утро
и мне было одиннадцать лет.

Как дышится в лесу!
Как льдинки горлом льются!
Как будто пьёшь росу
Из блещущего блюда.

Слеза или хрусталь,
Следы насквозь промокли,
И даль в слезах, и даль
Сквозь слёзы – как в бинокле.

Как слышится в лесу!
Заполнив чашу с верхом,
Мчит эхо на весу
По веткам, как по вехам.

Далёкий скрип сосны
Доносится с опушки,
И жалобы кукушки
Прозрачны и ясны.

Как пишется в лесу!
Лес, приглушив гуденье,
С листа согнав осу,
Дарует вдохновенье.

А луч позолотил –
И в просеках мелькнули
Обрывки паутин
Из хроники июля.

Как верится в лесу
В загаданное счастье!
Уйти в седьмом часу,
Оглядываясь часто.

Жаль: тени по лицу
Некрепкая завеса...
Как хочется в лесу
Не уходить из леса!

*

Кажется, всё было так недавно...
Жаркий ветер высушил росу.
Лес шумел протяжно и державно,
Близкую предчувствуя грозу.

Далеко, за речками, деревня, –
День пути дорогами и без.
Лес шумел. И зной смещал деревья.
Господи, что это был за лес!

Пахло мёдом, грустью сенокосной,
И в пути казалось нам не раз,
Что немало видевшие сосны
Пристально разглядывают нас.

Ты представь, что сосны это видят,
Память всю на помощь призови:
Двое всё идут, никак не выйдут
Из кругов загадочных любви.

Слушают немую речь растений,
Птичьи разговоры нараспев,
И краснеют от прикосновений,
И глаза отводят, покраснев.

Даже гром не стал ломить стеною,
Не пугал, – мол, дальше не ходи! –
То ворчал далёко за спиною,
То слонялся где-то впереди.

Я тогда не подавал и виду,
Узенькою тропкой проходя:
Этот лес нас не давал в обиду,
Прятал нас от близкого дождя.

Был бы лес, певучий, как легенда,
И не надо радости иной!
Сколько лет прошло с того момента,
Сколько троп свернулось за спиной!

А глаза всё те же сосны видят,
Тот же край, заброшенный людьми...
Двое всё идут, никак не выйдут
Из кругов загадочных любви...

*

Не знаю, к несчастью ли, к счастью,
В предчувствии ль близкой беды
Я стал ощущать себя частью
Деревьев, и звёзд, и воды.

И вот что случилось однажды:
Под солнцем, в июльской пыли,
Внезапно я вздрогнул от жажды,
Почувствовав жажду земли.

Я сбился с ослепших тропинок,
Бессильной тоской исходя,
И тысячью хрупких травинок
Я ждал, задыхаясь, дождя.

Подумав: должно быть, я болен,
Упал от дорог вдалеке.
Но был я и лесом, и полем,
И птицей, летящей к реке.

Я знал, что ни лес и ни птица –
Не в силах поднять головы, –
Не птица, а только частица
И леса, и птиц, и травы.

Какое короткое лето
Бежит, спотыкаясь, к пруду!
... Когда-то я вышел из леса,
Когда-нибудь в лес я уйду.

*

Порой отчётливо, до боли,
Мне память высветит на миг
Росой унизанное поле
И коростелей переклик.

И первый луч, а может, всполох
Ещё холодного луча,
Котомка нищая и посох –
Опора детского плеча.

Росой омытые калоши,
Не знаю стибренные где,
И ветром чубчик мой взъерошен,
И рот голодный перекошен
Молитвой тихой о еде.

*

Везёт мне: я родился и живу!
На родине. У солнца на примете.
Кошу с отцом на пасеке траву,
И жить мне очень нравится на свете!

Лежать в траве и в дудочку свистеть.
Небесный свет загадочно струится,
что можно даже к облаку взлететь
и вниз сойти, сойти – и не разбиться!

Какой сюжет искать в стране иной?
Здесь солнце обозначило границы:
восходит из-за леса над рекой
и за горою Лысою садится.

Течение дней исполнено забот
и помыслов высоких, и отваги.
Здесь ангел в роще Заячьей живёт
и чёрт живёт за мельницей в овраге...

Горит над огородами звезда.
А самая желанная, родная
живёт в кирпичном доме у пруда
и о любви моей пока не знает...

*

Лопухи, крапива, лебеда,
старый пруд в мерцающей печали.
Прилетали лебеди сюда,
караси отчаянно клевали!

Подплывали лебеди к мостку,
подбирали булочные крошки.
И несли их важных по песку
лапы, словно перья у сорожки.

Серебрились в озере круги,
наливались зорями ранетки.
Дед Пахом начистил сапоги
и пошёл, посватался к соседке!

Может, Божья милость иль судьба?
Или просто времени везенье? –
Уродились славными хлеба,
в огородах – овощи и зелень.

ЗАРИСОВКА ДОЖДЯ

Промокший город в пелене дождя,
Прозрачных луж кипящие узоры...
Отмытые от пыли тополя
Цепляются за мокрые заборы.

И от дождя без видимых причин
Бежит народ. И только в парке двое
Стоят... И беспокойные ручьи
Их обтекают, превращаясь в море.

*

Вот оно, видение детства:
белый конь, изогнувший шею!
Над рекой, где кустам тесно,
затаился, гляжу, немею.
Это утро... уже туманы
в облака превратились пышно.
Сном колючек цветут бурьяны.
Тихо так, что дыханье слышно.
Вдалеке – остальные кони.
Даже дятел замолк в лесу.
Будто пуговицы на гармонии
шевелинул ветерок листву...
Всё отвесней встают лучи.
И не помню: минуто, век ли
длится этот восторг души,
и сверкают холмы и вербы!..
Досыхает вчерашний дождь...
И спустя много лет, как ныне,
белый конь, изумленья дрожь,
тот бессмертный запах полыни.

*

Июльский жар, спаливший всё живое,
курится дымкой бледною в лугах...
Прикрыв сынишку веткою от зноя,
несу его легонько на руках.
С букетом колокольчиков помятых,
откинув прядку русую со лба,
со мной жена... И долго на полянах
за нами разгибается трава.
Волной тепла несёт от небосвода,
во всём покой, всё ясно впереди!
Но смутная, неясная тревога
морозцем растекается в груди.
О чём она? Когда меня оставит?
Чего для счастья так недостает?..
Уйду от вас – немая спазма давит.
Вернусь – почти смятение берёт.

*

Мой дом деревянный на взгорке
с зелёным двором в глубину,
дай снова оконные створки
ударом руки распахну!
Пусть ветром надуются шторы
и щедро текут синевою
распадки, увалы, угоры,
тайга и туман луговой!..
Вчера на закате широком,
когда пламенел окоём,
бродил я по этим дорогам
с вечернею тенью вдвоём.
Я, глядя на тихие дали,
почти что прощался с рекой
в какой-то кромешной печали,
в печали какой-то слепой...
Но утро! И заново всюду
дробится и тянется свет,
и гонит ночную остуду
таёжному мраку вослед.
Серебряный верх косогора,
где мокро в траве от росы,
открылся в середине простора,
куском потаённой красоты!..
Не так ли серединою жизни
мне снова коснуться дано
бессмертного духа Отчизны,
влетевшего в это окно?
Из ясных глубин поднебесья
не он ли донёсся, как ток,
гармонии и равновесья
утраченный сердцем восторг?!..

*

Нарисованы синим далёкие горы
и деревья полны голошенья и шума!
Только тень облаков переходит просторы,
только даль набегает на сердце угрюмо.
Но люблю я Сибирь за ненастную хвою,
за колючую цельность чалдонского духа!
Потому не зашить никакою иглою
рванной памяти жадного зренья и слуха!
Это Азии сны, это зоркое око
прокалённых степей, где легко затеряться.
И как всё на земле не бывает до срока,
так и этого страха не надо бояться.
Если слово моё поразвеет ветрами,
если даже и сам я, как дымка, истаю,
всё равно – неизвестно, какими путями
возвращусь, припаду к горизонту, я знаю!..

*

О грозах жизни, что гремят в веках,
и о былинке малой у дороги
простую быль читаю в облаках
и на земле, где все мои тревоги.
Знать я не знаю в мире пустоты!
Её и нет. Всё полнится мечтаньем.
И этот дождь, упавший на листья,
наполнил рощу тайной и мерцаньем.
Войду туда и кажется, что вот
изнемогу от белого наплыва
стволов, которых взгляд не оберёт
и не отпустит долго и счастливо!..
Не в том ли радость кровная моя,
что Дух Святой, который всюду дышит,
каким-то высшим смыслом бытия
всего меня, как брызгами, пронижет?!

*

Под хорошо отбитою косою
цветы и стебли валятся стеной.
Пройду прокос и влажною травой
сталь оботру, блестящую как зной.
И будет утро дня переливаться
теньями всеми, воздухом тайги.
И не устанет жизнью называться
всё, что увижу я из-под руки.
Вон, по низинам, скрытое движение
истоков рек, студёных родников.
Вон, на бугре, прощенье и забвенье
кладбищенских родных березняков.
И эта ширь неназванного луга,
и светлые рубахи косарей.
И этих трав полёгшая округа
в росе и мощи зрелости своей.

*

Лежать в траве и в небеса глядеть,
где два орла в бездонности могучей
кругами ходят, обнимая твердь,
и вровень с тёмной грозовою тучей.
Я так люблю их непонятный ход,
предгрозовое это состоянье,
весь блеск и страх надмирного шептанья
текучих перепутанных высот!
Среди холмов и тёмных берегов,
где всё слилось и длиться не устанет,
таинственно кивая из веков,
отец и мать мне зренье затуманят.
И как лежу среди ромашек я,
так и в небесном вихре пропадая,
в одном порыве, в счастье бытия
душа летает, плача и рыдая!..

*

Вёсла бросим. Водная стремнина
лодку нашу медленно несёт.
Тенью гор наполнена долина.
Долог свет развёрзнутых высот.
В этих высях непрочтённой былью
облако белеет, что укор...
И река без всякого усилья
наш с тобой заглаживает спор.
И никто на всей земле не знает,
почему меж мною и тобой
тишина так много объясняет
над бегущей в сумерки водой.

*

Снова ты в этом мире! Мокрые вздохи деревьев, –
видно, совсем недавно тёплый прошёл дождь!
Птицы не гомонят, а на полях за деревней,
как буруны перекатов, журчит созревшая рожь.
А в небесах светло, будто за облаками,
души давно забытых взгрустнули едва-едва
о голубой земле, которую ты руками
ласково обнимаешь, пока бормочет листва.
Снова ты в этом мире, где паровозик строчит
шов поворота и – вверх кувyrкается дым,
где оживает сад и под горой ворочает
яблоневые кусты, полные голубым...
Непобедима жизнь! Бронза и мякоть плода!
Эти плоды – ешь, эти дожди – пей!
И запрокинь лицо перед рекой небосвода,
и говори с улыбкой: лей, моё небо, лей!..

*

Не спеши, о зелёное лето,
столь недолгое в нашем краю!
Лопуха благородная лепка
мне напомнила чашу твою.
Наклоняясь, приник без опаски,
различив отраженье лица,
и живительной влаги, как в сказке,
весь глоток замахнул до конца!
Если это не вихри очнулись,
Кто извлёк мою душу из тьмы?
И, как к глухонемому, вернулись
речь и слух после мёртвой зимы.
Под морозами спины сутуля,
мы намёрзлись на родине так,
что до самой середины июля
нам ещё не согреться никак.
Но услышал я милую гостью –
за оврагом кукушку в кустах,
и увидел, как белою гроздью
дозревают дожди в небесах.
Где трепещет осинник у взгорья
и смолою текут кедрачи,
в грудь ударило воздухом поля,
будто от раскалённой печи!..

*

Слышу дни, когда дом наполнялся,
оживал голосами друзей.

Неуклюжий дымок поднимался
из трубы по-над баней моей.

Сохли веники, мята, вербейник
на тесовой веранде, где чай,
где балованный всеми затейник
острословил как бы невзначай.

Кто-то спорил об истинах старых,
как ни странно, всегда молодых,
о стихах и любви, о Стожарах,
о загадках явлений иных.

Мы спускались тропой к колодцу
по малиннику и пихтачу,
где студёная прозелень льётся,
намечая начало ручью.

Но горячего воздуха токи
протекали за ворот с виска,
и от хвои, опавшей под ноги,
там пружинила почва слегка.

Как оттягивал руки подземный
холодок, заключённый в ведро!

Как внезапно тоской сокровенной
на мгновение сердце свело!

Вот свисток электрички поранит
за тайгой вечеряющий свет,
одинокество за спину встанет.

Помашу вам легонько вослед.

А когда от затихшей опушки
возвращусь молчаливый назад –
долго мне в деревянной ракушке
шутки, возгласы ваши гудят!..

*

Пора кучевых облаков,
июльского зноя вершина!
Под синею толщей веков
развернута свитком равнина.
Глазами нырну в глубину,
ковыльные версты читая, –
увиджу какую страну
с лесами, хлебами без края?
Увалы китами плывут,
змеятся таинственно реки,
горячие вихри бегут
в дрожащие маревом степи.
Э-эй, наливные поля,
селенья за вольницей далее –
неужто всё это земля,
которую русской назвали?
Россия... На тысячи лет
идут о тебе разговоры.
Ты кровью скрепила завет
возделывать эти просторы.
Твои ожидания пойму,
но лемех былых поколений
так тяжек, что приподниму –
и в землю уйду по колени!..

*

Спрячут глаза одуванчики – вечер,
воздух засветится тихо и млечно,
можно сидеть до утра на крылечке
в небе безлюдном и бесконечном.

Тихо сидеть на своей ступеньке,
чтобы смотреть, как летят планеты...
В доме все спят и стоит деревенька
На самой макушке зелёного лета.

*

Покрыта полем Русская земля,
раскинулась от Бога до порога.
Когда меня вперёд ведёт дорога,
за мной шагают тенью тополя.

Я слышу, как трава растёт ночами,
как мать меня качает и поёт,
так в первый раз по имени зовёт,
что крылья вырастают за плечами.

Укрыта небом Родина моя,
молитвами шумят ветра в берёзах,
и я украдкой вытираю слёзы,
почти не зная, кто такая я.

СЕСТРЕ

Так хочется малинового сока,
чтоб губы алые, огонь в глазах...
Зелёным морем на полях осока,
так слышно всё... и нечего сказать.
Так хочется лучи ловить руками,
не выбирать слова, а доверять
дождю, что падает на нас стихами,
и в мокрых платьях по росе гулять.
Мы поднимаемся с тобой, как птицы,
когда закат малиновым вином...
А наша жизнь ещё быстрее мчится
с попутным ветром в поле травяном.

*

Спит трава, едва колышется,
пахнет сеном в сеновале,
а над ёлками, над крышами
звёзды пляски затевают.
И коту не спится – мается
он раздумьями серьёзными...
он на крышу забирается,
чтобы посмотреть на звёзды.

*

У края зыбкого простого дня,
что не приметен чем-то необычным,
стою одна, и радуется меня
полоска света в облаке пшеничном.
И так светла огромная луна,
она решила выйти до заката
и посмотреть, как я стою одна
и провожаю взглядом её брата.
А солнце катится к невидимой черте
уверенно, размеренно, лениво,
там, за чертой, оставшись в пустоте,
оно продолжит путь неторопливый.
Но светом зацепившись за края,
за контуры домов, событий, судеб
невольно оглянётся, не тая
бескрайней нежности к Земле и к людям.

УЛЕТАЮЩИМ ОДУВАНЧИКАМ

Тонкая суть этих белых прозрачных цветов
вдруг забывается, как бесполезное слово.
Вымолвить что-то, потом повторить снова
и замереть в чистом поле несказанных слов.
Так открывают иные, другие миры,
тихо скользя между спинами юрких бозонов,
так прорастает частицами тёмное лоно,
так Магомеды стоят и не видят горы.
Тонкая суть этих белых прозрачных цветов
в мягкой охапке едва уловимого счастья,
хрупкая взвесь постепенно становится частью
лёгкого ветра и неуловимых стихов.

*

Наша бедность граничила с Богом...
Память сердца всегда дорога.
За сухим ископыченным логом
На закате темнели стога.
Вот и сумерки встали стеною:
Резкий блеск одиноких огней,
И пастух одинокий в ночное
Гонит за день уставших коней.
Наша бедность... В бурьяне избушка
Да ведро над печною трубой,
Много неба и хлеба горбушка
В летний день с родниковой водой.
Одуванчиков жёлтых обнова,
На прополке картофеля мать...
Неустанно, как доброе слово,
Хорошо это всё вспоминать.

НОЧЬ В ДЕНИСОВЕ

Открыты окна дуновенью,
От занавесок – многоточь,
Когда арктической сиренью
Льёт древний свет шальная ночь.
И вечность смотрит нежным взглядом,
Вся женственность, вся для меня –
Как будто в полночь вербным садом
Проводят белого коня.
Где воздух белостволя росный,
Купальниц огненных замес,
Опять девчоночьим знакомством
Сквознёт помолодевший лес.
И снова лошадь белым садом,
Телега, цоканье подков...
И хлебным духом бродят рядом
Живые судьбы мужиков.

*

В день воскресный уйду одинокий
В опустевший осенний озноб.
Затянула былые дороги
Киноварью трава конотоп.
И как в детстве, со мной – Божья милость,
Нажитого добра – ни гроша.
Вот былинка светло заслезилась –
И опять народилась душа.

В ГОСТИ

I
Как славно, мама! Посмотри –
Всё поле зацвело!
Идём гостить денька на три
С гостинцами в село.
Идём к бесчисленным кустам.
Черёмуха цветёт.
Идём к любимым старикам
Работать в огород.
С действительной я ровно год
Вернулся молодцом.
В селе красавица живёт
И служит продавцом.
Я познакомиться не прочь –
Тревожит сердце юнь! –
И целоваться с ней всю ночь,
Шептать слова в июнь.

II
Какие, мама, облака!
Дождю большому быть.
В Денисово на два денька
Идём траву косить.
– День добрый, дедушка!
– Как звать Мальчонку?
Чьей родни?

– Из Волгограда, говорить, –
Всё не живём одни.

Вновь разговор. Хрустит опять
О тёрочку морковь.
Иван Данилыч – это зять,
Григорьевна – свекровь.

III

Какая, мама, синева!
Несём с лугов цветы.
Ещё не вкладывал в слова
Такой я красоты.
Как будто вечно юный гость,
Весна волнует грудь.
Проведаем с тобой погост –
Пойдём в обратный путь.

*

И юньский день свежал,
Свободен был от дел.
Я на траве лежал,
На небеса глядел.
Моя любовь всерьёз
Шла синью изнутри.
Стояли семь берёз
В плену моей любви.

*

Люблю, Мария, я твой дом
В печали северного сада,
Сараи, крытые ладом,
Герани, овощные гряды.
Под воскресенье с вещмешком
(Так отчего же сердце плачет?)
Спешу до сумерек пешком
Денисовской зелёной дачей.
Увидеть снова ширь полей,
Услышать родственное слово,
Узнать про жизнь твоих детей,
Твоих внучат белоголовых.
И вновь мечтать, мечтать о ней,
Которой очень, очень нужен,
Где сень берёзовых ветвей
И сквозняки домашних кружев.

*

В твои глаза ночь выдышала росы,
На губы твои алые – хоть дуй.
Я намотал на шею твои косы,
Чтоб долгим был ответный поцелуй.
А у деревни речи станут строги,
Расстанусь как попутчик у крыльца.
На счастье наше русские дороги
Тянулись и тянулись без конца.

Незабудки голубеньким снегом
На зелёном лугу вновь и вновь
Вопрошают: «Мы разве не небо?
Разве мы на земле не любовь?»

И прохладят любимым, далёким
С детских лет. Вот уже потому
Эту весть о покое высоком
Принимаю один к одному.

Здесь, где северный ветер наводит
Облаков необъятную мощь
И просёлок, петляя, уходит
В занавесы редящих рощ,

Слёзы смоят безумство и важность...
Всемогуший! На лике земли
Ты прости и хоть в малую тварность
На исходе пути посели.

Незабудками, веточкой вербы
Наши души проклюнутся вновь,
Вопрошая: «Мы разве не небо?
Разве мы на земле не любовь?»

ПОЛЕ МАТЕРИ

Ветер песнь херувимов доносит.
Мама ниву обильную косит.
Взмах, другой. Полновесно ложится
Сноп-мужик, баба-сноп, сноп-девица.
И безмерно кругом поле славы.
Ни осота на нём, ни потравы.
— Дай помочь, мама, руки умаешь.
А в ответ мысль пронзила: «Сваляешь!
Здесь урок мой, моё назначенье,
По любви, по уму, по терпенью».
Снова взмах, полновесно ложится
Баба-сноп, парень-сноп, сноп-девица.
Для тебя, мама, в полдень предлетний
Путь земной стал просёлком последним,
Где берёзы зелёною негой
Нависали над скорбной телегой.
И травы молодой сочный глянец
Полыхал огоньками купальниц.
Но в ответ снова, снова ложится
Парень-сноп, мужик-сноп, сноп-девица.
За плечами моими, страну
Встали люди, любимые мною.
Те, чьи души – живая водица,
Дорогие смиренные лица.
Я, возникший здесь праздным уродцем,
Протоптал слюдяные оконца.
— Видно, след незрелого едок, –
Осенило меня напоследок.
И до дома сойду по ложбинке.
Там, где тучи роняют дождейки.
С верой, что на земле возродится
Сноп-мужик, баба-сноп, сноп-девица.

СИРЕНЬ

Ещё в глуши небесных скважин
Не намечался новый день,
Но, размахнувшись светом в сажень,
Пылала облаком сирень.

Все лепестки, взорвавшись светом,
Сияли в полной тишине.
А то, что называлось летом,
Уже цвело в моём окне.

Оно звало и трепетало.
И, потрясая этажи,
Над демократией металла
Взошла монархия души.

Сирень – любви счастливый случай.
Сирень – сияние Земли.
И силы более могучей
Придумать люди не смогли.

*

Навоз возами привозили.
Пятнадцать ровно. Каждый год.
Они лежали и дымили.
Дышал под солнцем огород.

И, весь в клубках весны и света,
Мой дед парник сооружал.
И сей продукт, насквозь прогретый,
Лопатой в яму загружал.

А сверху засыпал землёю –
Ещё черней, чем антрацит.
Сажал. И поливал водою.

Летело лето к цветостояю.
И, выбив рамы головою,
Летели к солнцу огурцы.

ВЕТЕР ТРАВ

Я снова родину ищу!
Иду от крупноблочных зданий
Туда, где свет похолоданий
Ложится на крыло грачу.

В пространстве я свой холст простёр,
Где все родной земли изломы,
И даль полей, и долгий взор,
И дым над деревянным домом.

Вот резкий спуск, а вот подъём.
И ветер трав в пространстве ожил!
И передо мной – родимый дом,
В котором я и дня не прожил.

Исчезнет он – и закричу!..
Как ни мучительно б звучал он,
Мотив, который я ищу, –
Я только здесь, вот здесь хочу
Означить родины начало!

И мысль холодную поправ,
Я сердце чувствами взрываю.
Прокопьевск!
Шумный ветер трав!
Сибирь!
Страна моя родная!

*

В логу ручей. По берегам –
Избушки. Дым над погребам.
И мама кличет к пирогам
С лесной малиной и грибами.

Сумерничаем. Тянет в сон,
Как в свежий стог. Густеют дали.
Часы пружинным колесом
Скрипят. И я на сеновале

Укладываюсь. Благодать!
И всхлипнула дверная рама.
И вижу я: заходит мать.
И слышу: тихо плачет мама.

Присела. Дышит у виска.
Морщинки гладит над губами.
...И сладко мамина рука
Малиной пахнет и грибами.

*

Как тихо утром на реке!
Аукается каждый звук.
Шуршит туман. Скрипит паук
На самотканом волоске.

Под пень замшелый влагу льёт
Ручей. Песок хрустит в логу.
И на соседнем берегу
Комар гудит, как самолёт.

Бичом прогрохотал пастух
В деревне, что за три версты.
И треск сгорающей звезды
Улавливает чуткий слух.

Слезу кукушкину сорву,
Склонюсь над светлою над ней
И вдруг услышу сквозь траву
Дыханье родины моей!

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

По-прежнему пахнет ромашковый луг
Дурманящим запахом лета.
И старый злодей – колченогий паук –
Свои расставляет тенета.
На тонком и нудном своём языке
Гудят комаров эскадрильи.
И бабочка спит на волшебном цветке,
Сложив разноцветные крылья.
Колосья пшеницы на ломких стеблях
Под зрелую тяжестью клонятся.
И держит в широких ладонях земля
Румяное яблоко солнца.

ПЕРЕД ДОРОГОЙ

В твоих ладонях солнца много.
В них божий дар – солнцеворот.
Я их коснусь перед дорогой,
и солнце в кровь мою войдёт.
Войдёт разливисто и жарко,
ударит в бубен золотой.
И мне до боли будет жалко,
что я не твой, совсем не твой.
Что кто-то есть родней и ближе –
хозяин дум твоих и снов.
Не понимаю, как он выжил?
Как в нём не выкипела кровь?

ОДЕССА. ЛЕТО 1977 ГОДА

Вот то Чёрное море, где
Я учился глаза открывать в воде,
Так и не научившись плавать...
Понимая мир едва ли на треть,
Я бросал в прилив возвращенья медь,
Не предчувствуя крах державы.

От Одессы память вернула лишь
Соль лимана и частный сектор крыш,
Да экскурсию в катакомбы.
Мы снимали комнату «для гостей»,
Пахла чем-то солёным моя постель,
На подушке синели ромбы.

Во дворе, как водится, виноград,
И хозяйкин, грозный такой, халат,
Говорит: «Не ешь, он незрелый».
А я всё же ел, и кривило рот –
Не был сладок этот запретный плод,
Но зато мне было две Евы.

Евам было по одиннадцать лет,
Я когда-то помнил восемь примет,
По которым их различали...
Нет иных таких среди Надь и Лен,

Ведь они похожи, как пара колен,
Как одна сторона медали.

Из чудес вечерних, ау, смотри,
Кабачок пустой, со свечой внутри,

Как провалы, горят глазницы,
Полыхают ноздри, пылает пасть,
Надо мною страх обретает власть,
И потом полночи не спится.

Ночью было душно, а днём – жара,
Остальное – смутно, чай, не вчера,
Было жизни седьмое лето.
Тридцать лет, для памяти – всё же крюк,
Остаётся запах, уходит звук
По слепящей полоске света.

ДОМ

Вот он, будущий дом: золотое крылечко,
Где простой половики для уюта у ног,
И сухими дровишками кормится печка,
И с любимым котёнком играет сынок.

Ярким всплеском календул веранду украшу.
Мы незлую собаку с тобой заведём.
Я томить в чугунках буду русскую кашу
С запашистым, наваристым, спорым борщом.

Ты сумеешь построить смолистую баньку
И с мужицким стараньем разбить огород.
Научусь, как крестьянка, вставать спозаранку
Средь капустных, грибных, огуречных забот.

Будет флюгер — Серёжкино счастье на крыше.
Если дочка родится, то как назовём?
Мы любить будем краешек, нас приютивший,
Золотое крылечко, наш будущий дом.

*

Серёже

Дождь проснулся в облачной перине,
Распугал ватагу шумных птиц.
Вновь сияет солнце, а у сына
Небо пролилось из-под ресниц.

И несётся детство золотое
По траве прохладной босиком.
Счастье... знаешь, сын, оно простое.
В белой кружке с белым молоком.

*

Заповедный приют – потаённый, неназванный остров,
Там, где травы дремучи, а лица, как лики, чисты.
Где незримым шатром – тишина, где внезапно и просто
Освящается день отголоском рассветной звезды.

Где покоя исполнено и не растрчено слово,
Простота домотканна, а поступь любая – не вслух.
Где янтарным столетием – жизнь и в просторе сосновом
Хлебный дух над столом и медовый струящийся дух.

Где молчанье целительней слов, где однажды смогу я,
Как живую свечу, одуванчик затеплить рукой.
И заплачу легко, и прощу себя просто – такую,
Досветла обнажённую солнцем и тихой рекой.

ЛЕТО В АПРЕЛЕ

А. Ибрагимову

Словно лето пришло, проскользнуло
по зарослям спящих ресниц
В заплутавшийся сон, сквозь налипшие веки теплея.
И букетик веснушек в ловушки подставленных лиц
Раскидало-рассыпало – щедро, легко, не жалея.

Разнотравье беретов, перчаток, косынок, плащей...
Разноцветье гудков, светофоров, звучаний, свечений.
И вплотную уже очертанья людей и вещей.
И влечёт, и качает на острой волне ощущений.

А влюблённое солнце слепит каждой луже зрачки
И уже тормозит и торопит: скорей же, скорей же!
Исполин-ледоход по тягучему мёду реки
Сквозь сплетенья домов и деревьев на правобережье!

Лето к детской прильнуло щеке, намаячив, устав,
И притихло размытым пятном на листе акварели.
Клейким клювиком почка раздвинет апрелю уста...
Неужели опять это лето пришло, неужели?

*

*Моим крестникам
Маше, Ване и Васе Скобликовым*

Летнее поле. Прозрачный покой и простор.
Васе найдём василёк синеглазый простой.

Ване – пушистый сиреневый клевер. А Маше –
Нежные солнышки густо цветущих ромашек.

Будем все вместе в тягучее небо смотреть,
Там проплывает на север большущий медведь.

Здесь – государство нестрашных жуков. И смотри-ка:
Тайно краснеет под спящим листом земляника.

Ваня, лизни, пока мама не видит, скорей
Стебель травы, по которой гулял муравей.

Видишь, как кисло! А лучше давайте кружиться:
Бабочка – облако – камушек – дерево – птица.

Или бежим до ручья, кто быстрее, на спор.
Родина детства. Прозрачный покой и простор.

АВГУСТ

Август – праздничного облика:
У него на голове
Белизна папахи-облака
В яркой, сочной синеве.
Он звенит дождями в жёлобе.
Он закатом свеж, здоров.
У него в заплечном коробе
Не сочтёшь земных даров.
Но ночами зябнут зяблики:
Ветки в инее висят.
Звёзды крупные, как яблоки,
Небо стряхивает в сад.
И, чтоб с летом расставание
Было радостно, светло,
В полдень август на прощание
Не скупится на тепло.

В ДЕТСТВЕ

Лишь ступишь со ступенек,
Июльским рад лучам –
Жара, как в бане веник,
Захлещет по плечам!
В окне открытом шторка –
Как парус на ветру...
Ромашек бег с пригорка.
Сок ягоды в бору...
Вдаль манят перелески.
Желтеет островок.
Над речкой – нитка лески,
А в речке – поплавок...
Швырнул в траву фуражку,
Где пчёлка замерла,
Нырнул, плывёшь вразмашку,
И жизнь милым-мила.

ЗНОЙ

Дали в мареве. Блѣклое небо
Раскалилось почти добела.
Веет жаром от спелого хлеба,
Как в избе от печного чела.
Глушь. Безветрие. Птиц безголосье.
Беспокойно проносится стриж...
Только шорох поникших колосьев
Нарушает полдневную тишь.
Вянут листья в берѣзовом колке.
Ярый зной продолжает палить.
Еле слышится вздох перепѣлки –
Безнадѣжный, безрадостный: «Пить!»

Я ПРИВЁЗ...

Посетив места родные,
Что оттуда я привёз?
Только сердцу дорогие
Шумы-шелесты берёз,
Облаков седую пряжу,
Что, узоря синий мир,
Вдоль извилистого кряжа
Проплывают в Салаир.
Всколыхнул мне снова память
Говорок реки Бачат,
Тополей цветущих замять,
Где ребята ждут девчат;
Чёрный дым на мягких лапах
Над полоскою реки,
Разнотравья пряный запах,
Незабудок островки.
Вновь увидел все дороги,
О которые в жару
Обжигал босые ноги
Мальчуганом на юру...
Край любимый, этой дани
Я не ждал, к тебе спеша.
Пусто в лёгком чемодане,
Но зато полна душа.

КАК ЛЕТОМ В ПОЛЕ

С хорошим встретиться поэтом,
Стихи хорошие прочесть, –
Как в поле очутиться летом,
Где все на свете краски есть.
Там в васильках дробится небо,
И с тёплым, лёгким ветерком
Навстречу дышит море хлеба,
Кивая каждым колоском.
Там блеск реки, небес сиянье,
И каждый куст – как давний друг.
Там сердцем чувствуешь слиянье
Со всем, что видится вокруг.
Со всем, что звучно и безгласно,
Что отцвело и расцвело.
Всё так естественно и ясно,
Всё так открыто и светло!

ГУСТАРЬ

В нём ветры дышат ровно, тихо...
Как называли август встарь,
Он по заботам – припасиха,
А по обилию – густарь.
Над огородной благодатью
В накрапах инея и рос,
Следя за солнцем, жёлтой ратью
Стоят подсолнухи вразброс.
А из лесов почти что на год
Несёт нам август в закрома
Запас грибов, орехов, ягод –
Бери так просто, задарма...

СЕРАЯ КОРОВА

(или дачный сезон в Карчите)

Тянет холодом влажным с севера,
наползает гроза косматая,
и выходит корова серая,
равнодушно грозу осматривая...

Я сижу на крыльце, невнятная, –
не читается книга умная, –
жадно слушаю, как над мятою
тишина назревает думою...

А у неба дыхание ровное
и биение сердца слышится...
Словно солнышко, под коровою
вымя розовое колышется.

Травы сонные долу клонятся,
сенокосные, перезрелые.
Всё, что сослепу не узрела я,
пусть увидится, пусть исполнится!

Пусть нахлынет волна заката,
пусть хозяйюшка-шорка вечером
сцедит свежесть грозы и мяты
в вёдра звонкие струйкой млечной.

*

Я лежала на тёплой земле.
Нежным маревом флоксы дымились.
А в душе, будто в солнечной мгле,
Золотые частицы струились.

То ли это сознания поток?
То ли чувственность в истинном свете?
То ль духовный прорыв на восток?
То ль под сердцем живущие дети?

Подлетали вплотную шмели.
В них природные силы гудели.
И растения жизни цвели
Сплошь и рядом, и в духе, и в теле.

•

*

Все кукушкины слёзки,
Все анютины глазки,
Все прекрасные песни,
Все волшебные сказки,
Все легенды небес
И фантазии света
Уместились в одно
Незакатное лето.
Незакатное лето,
Незабвенное лето –
Благосклонность Творца,
Вдохновенье поэта.
И поют существа,
И блистают созданья,
Откликаясь на зов
Мирового сознанья...
Но в цветочном раю
Или в чаще зелёной
Всё же что-то болит,
Будто нерв ущемлённый.
Эту тайную боль
Излучают берёзки,
И анютины глазки,
И кукушкины слёзки.

*

Когда томно в душе, как в лесу,
вспоминаю дорогу с покоса:
мы сидели с отцом на возу.
Шла лошадка. Скрипели колёса.

Так мы в сумерках сено везли.
И вечернюю близь созерцали.
Поднебесные травы цвели.
Придорожные звёзды мерцали.

*

Я живу под столетней ветлой.
Шелестит она нежно и глухо.
Моё счастье – цветок полевой,
а трава – состояние духа.

СТИХОТВОРЕНИЕ ДЛЯ МАМЫ

На всём пути моём,
каков бы ни был путь,
твой сокровенный мир
являет что-нибудь.
Увижу в поле я
лиловые цветы –
голубушками их
зовёшь, я знаю, ты.
Увижу мелкий плющ –
о, как он мне знаком! –
Любуюсь, как и ты,
извилистым цветком.
А то в сухой степи,
над бедною травой
песнь жизни пропоёт
кузнечик нищий твой.
Плоды свои отдаст
мне яблоня – дичок.
Украсит мой ночлег
бессребреник сверчок.
Не бойся за меня.
Я счастлива вполне.
Тобою данный мир
повсюду добр ко мне.

*

По пояс в августе замолкшие леса.
Вода в копытах с ржавчиной подков...
Трава по грудь... Сырые голоса...
Да оторопь продрогших облаков.

*

Нынче странно, тонко, нежно
К сердцу тянется полынь...
И лечу я безнадежно
В юнь, в июнь, в люблю, в теплынь...

*

Колючки, пыль, жара на взлёте
И высота сухим глотком.
Орёл в медлительном полёте.
Гора коричневым горбом.

Здесь дно ручья когда-то было.
Теперь жаровенный песок –
Бойтся, чтобы не остыло –
Куёт кузнечик – бьёт в висок...

Пиалы голубой и влажной –
Вот всё, чего желал бы я...
Жжёт ноги и горит от жажды
Такырная солёная земля...

Чем жил я с ней?
Чем мне она близка?
Страданием корней
Среди сухих камней,
Где в глубине река.

*

Мягкохвойная память арчи...
Боже мой! Ты кричи – не кричи –
Не дотянешься ты, не достанешь
Эту синюю спину Тянь-Шаня
Через бурный порог Аларчи,
Даже если перекричишь
Горло рыжей арычной воды!
Хорошо, если есть за щекою
Две подушечки парварды,
Или мост подвесной над рекою,
И тогда на базар за нугою
Можно долго, качаясь, идти,
Облака задевая ногою
На воздушно-дощатом пути!
Если ж ты... – Не боишься арбы?!
Можно и без подзорной трубы
Рассмотреть поднебесные горы!
Был бы ослик и... Что разговоры!
Вон туда, где растёт курага
И фисташка свистит беззаботно,
Где персидские тают снега!..
Мы поедem с тобою! Охотно!

ПОЛДЕНЬ

В обед, натрескавшись арбуза,
Плюёмся косточками в зной...
Жара. Солома. Кукуруза...
Кузнечик скучный – заводной...

Вот здесь, под лёгоньким навесом
В едва означенной тени,
Жизнь развалилась дюжим весом,
Нам отпуская полудни.

Какие жалкие подачки!
А что осталось – забытьё?!
Иль коли я – паршивый дачник,
Так мне положено нытьё?!

Нет! Я найду себе заботу!
– Вот, по полудню, в солнцепёк,
Спешу к родимому болоту,
Пускаясь, словно наутёк!

Там плещет в камышах водица,
Напоминая океан.
И я, как нежною девицей,
Стихией водной обуян.

По горло в зелень погружаюсь,
Когда дыханье в перехват,
Горячей кожей касаясь
Живых холодных лягушат!

*

Окрапивленный воздух лета
Разъиюленных пустырей,
Я люблю тебя, пусть за это
Уж досталось мне волдырей!

Лишь с тобой я желаю знаться,
И, теряя остатки слов,
Лишь тобою, дыша, обжигаться
Нежным пламенем волосков...

Но чрез ревность и пытку сомненья
Я вернуть должен тело твоё
Тем стридам, вопиющим в смятении
Над безмолвием пыльных репьев.

Только жизнь без тебя – что пустошь:
Лебеда, лопухи, дурман...
Перейду, коли ты отпустишь,
Руку спрятав в карман.

*

Далёкая мальчишеская быль.
Усталая полуденная дрема.
Весёлая соломенная пыль.
Хрустящая горячая солома.

И хорошо, что мне разрешено
Махнуть с площадки в зыбкие отвалы,
Когда стекает шумное зерно,
Рассыпчатое, в кузов самосвала.

А после, развалясь у колеса,
Рассказы взрослых слышать краем уха
И видеть, как уходит в небеса
Большого солнца жаркая краюха.

*

Там, где тянутся к небу скрипучие сосны,
Пахнут корни и хвоя смолой раскалённой,
Выбегает дорога в простор сенокосный,
Где буянит разгул сенокосов зелёных.

Остановится конь, замороженный далью,
Что напоена солнцем от края до края.
И вздыхает, смеясь, бригадирша Наталья,
Запрокинув лицо: «Благодать-то какая!»

*

Строчит полевой молоточек,
Ромашка как солнце во рту.
Возьму оборву лепесточек,
Пожалуй, ещё оборву.

Не думая, третий отчислю,
Слепня отодвинув плечом,
О чём, бишь, я только помыслил?
Да вроде бы так, ни о чём.

Вот разве ромашку калечу,
Поверив в наивность цветка,
Что «любишь – не любишь» извечны,
Но дунул – и нет лепестка.

Считалка из детства простая,
Я твой лепесток пригублю,
Ведь сказка, заведомо знаю,
Закончится словом «люблю».

Так солнечный зайчик безумный
Из детства сигналит лучом.
О чём, бишь, я только подумал?
Да вроде бы так, ни о чём.

*

Прибежала солнечная тучка,
Проплясала дождиком зелёным.
Словно кто-то светлым молоточком
Отстукал по струнам ксилофонным.

Пролилась. А может, показалось.
Так и ты, как светлая загадка.
Прыснула в ладошку, рассмеялась.
Растворилась в небе без остатка.

*

Средь земляничника весёлого,
Что выбегает на межу,
Я запрокидываю голову
И так недвижимо лежу.

Зажмурюсь – сполох с неба падает
И долго звон в ушах стоит,
Когда незримою прохладой
Лесная рожь прошелестит.

Пленённый звуками и красками,
Чего ещё-то мне желать:
Лежать вот так под небом ласковым
И стебель солнечный жевать.

И с простотою первородною
Среди хлебов и облаков
Наедине с самой природою
Мечтать и думать высоко.

*

Крутояр. Берёзы. Поле.
Хлеба зреющего вяль.
И глазам такая воля –
Без конца и края даль.

Медоносом млеют травы.
Трелей, звонов – несть числа.
Веселись себе на славу
И букаха, и пчела...

Зачарован, озадачен,
Встанешь вдруг – трава по груди,
Кто я есть и что я значу
В этом празднестве и гуде?

Почему во мне извечны
Невозможные вопросы:
Ты о чём куёшь, кузнечик?
Ты о чём шумишь, берёза?

ДЕТСТВО

По канаве – лопухи, лопухи...
За канавою ковром – лебеда.
Растеряли своих кур петухи,
Ни квохтанья, ни пера, ни следа.
От жары сухой плетень – серебром.
Хмель с козявками на том серебре;
Как рубахи, облака за бугром,
И дырявый чугунок на бугре...
В холодке лохматый псина с утра
Дразнит улицу большим языком.
В сенцах мамка звякнет дужкой ведра –
Скоро летушку звенеть молоком.
И с какой-то погремушкой в руке,
Понимая этот пёстрый мирок,
Как на троне, ты сидишь на горшке,
Раз-два-летний деревенский царёк.

ЛУГОВАЯ НОЧЬ

Мой огонёк среди кустов
Весёлой звёздочкой дрожит...
Стозвучен в воздухе густом
Цикадный стрёкот у межи.

Не шелохнётся дикий лук,
Затихла птичка на гнезде.
Уснул и дед. Приблудный жук
Гуляет в вольной бороде.

И красный месяц над бугром
Замедлил свой извечный бег,
Стоит печально над костром,
Как молчаливый человек.

И лишь жеребчик молодой
Шалит в ворчливом тальнике.
Играет уголь золотой
В его непуганом зрачке.

С ПОКОСА

... Вздогнула бричка и мягко пошла.
Туман замерцал меж кустов;
Всё дальше уходят стога-купола
С жердинами вместо крестов.

Хоть листья с берёз на ходу обрывай,
Хоть зонтики зрелые рви...
Домой... Остывает твоя голова
От пекла и шума травы.

По западу – синий и розовый свет;
Загадка вечерних вершин.
Кукушка немного отстукала лет
И смолкла в древесной глуши.

В душе и в природе былинный покой,
Тревожный какой-то покой;
Всё ждётся: вот счастье помашет платком
Вон там, за бугром, за рекой...

Я с ней пропаду в голубом далеке,
Вон в тех облаках пропаду...
Стальные колёса стучат налегке.
Господь зажигает звезду.

Простая работа с родными людьми,
Дорога, серебряный дым...
Ты вспомнишь когда-то, что был этот миг,
В котором ты был молодым.

ПЕЙЗАЖ В ОВЕРЕ ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Внезапно закончился ливень, спокойна равнина,
струится вода по холсту и слезится мазок,
и влагу впитали поля, и намокла картина,
и зелень отмыта от пыли, и слышен гудок

вдали проходящего поезда. У горизонта
мелькают вагоны в дыму и колёса стучат.
И пахнет сырою землёю, листвою и озоном,
и мокрые красные крыши на солнце блестят.

Мир вымок насквозь, и расплывчатость лёгкая линий
подчёркивает лишь, как свеж и прозрачен простор.
И в воздухе преобладают зелёный и синий,
и не затуманен печалью художника взор.

И жизнь бесконечна, и нечем ещё огорчаться.
Пронзительны звонкая зелень и голубизна.
Мазок так отчётлив, что, кажется, рано прощаться,
а истина чистого цвета, бесспорно, ясна.

И едет двуколка по скользкой, блестящей дороге,
и лошадь по лужам бежит, и сверкает вода,
а мы с замиранием сердца, в неясной тревоге,
глядим, как она уезжает от нас навсегда.

ГЕРБАРИЙ

Ты – собиратель трав целебных, ты вышел рано, до звезды,
но ты не знаешь поимённо ни мяты и ни резеды.

Ты составляешь свой гербарий, и безымянная трава,
встающая тебе навстречу, натянута, как тетива.

Ни горицвет, и ни крапива, и ни горчайшая полынь
перед тобой не виноваты, что ты не знаешь их латынь.

Ни хладнокровный подорожник, ни осторожный вербой
перед тобой уже не встанут, как лист встаёт перед травой.

На голос твой не отзовётся ни одуванчик, ни кипрей,
разрыв-трава тебя забудет, хотя любила всех сильнее.

И ни аптечная ромашка, и ни дубовая кора
тебе помочь уже не могут, тебя спасти уже нельзя.

И ни плакун-трава, ни клевер тебя уже не воскресят,
они стоят к тебе спиною и ничего не говорят.

А ты идёшь по травостою, и сапоги твои в росе,
и за тобой косцы слепые идут с улыбкой на лице.

А за тобою остаётся трава, упавшая ничком,
она глядит тебе в затылок и в спину дышит горячо.

Но ты прощения не просишь у этой скошенной травы,
и ничего понять не хочешь, и не склоняешь головы.

И ты ведёшь косцов похмельных, и твой гербарий при тебе,
но кроме гордости смертельной – нет ничего в твоём гербе.

*

Сферическое зеркало рассвета –
тот сгусток запотевшего тепла,
где отразился долгий выдох лета
с прожилками пчелиного крыла.

Мутнеет вдох и выдох холодеет,
туманится движение руки,
и одуванчик возле губ седеет,
разорванный дыханьем на куски.

*

Травы тонкие качают
Солнце в зыбком мареве.
Запах то ли иван-чая,
То ль кореньев марьиных.

Плач кукушки. То не блёстки,
Не цветочки синие -
Впрямь кукушкины здесь слёзки
По траве рассыпаны.

Отведу рукой рябинку
И увижу длинную
В мураве-траве тропинку,
Тропку муравьиную.

Просят травы: «Загляни-ка,
Солнце росы выпило!»
Красным градом земляника
Заплясала, выпала...

Мне рассвет в глаза заглянет,
И меня, как мальчика,
Здесь, как мать, ладонью гладит
Даже мать-и-мачеха.

СЕНОКОС

1

Земляника? На базаре? Точно...
Убежать бы в поле босиком!
Значит, снова косы утром точит
Мой отец источенным бруском.
За деревней – росные покосы
Млеют, запах ягоды храня.
Сердце, сердце, что ты? Успокойся.
Я ещё вернусь в мои края.
Ну, какой я, право, горожанин?
Мне б туда, где реки в синеве,
Где когда-то матери рожали
Нас на колком солнечном жнивье.
Возвращусь я в лето молодое,
К полевым ромашкам загляну.
И косу – в привычные ладони.
И взмахну размашисто: «А ну...»

2

Издали, издали
Сияние рубях.
В моём народе издавна
И удаль, и размах.
И в утреннем безмолвии,
Росинками плеща,
Коса, как будто молния, –
К плечу и от плеча...
Визжали травы хрусткие
И падали в ряды.
Шагали стройно русские

Степенные деды.
В них столько силы виделось,
Той, что наверняка
С лихвой в потомках вылилась
На многие века.
О август, переполненный
Туманом, молоком,
Шмелями, перепёлками
И плясом молотков –
По лезвию, по тонкому,
Что в капельках росы...
О праздничная, звонкая
Мелодия косы!
От солнца плечи розовы.
Жужжанье жгучих ос.
Ты – ягодный, берёзовый,
Ты – праздник, сенокос.
Чубы играют русые.
Валки уже шуршат.
Поёт в работе русская
Открытая душа.

3

На валок ты ляжешь молча.
Сверху купол голубой.
Или это колокольчик,
Наклонённый над землёй?
По земле раскинешь руки.
Счастья больше – не желай...
И такая тишь в округе,
Что хоть уши зажимай.
Но прислушаешься – где-то
Птичье теньканье в кустах.

По земле проходит лето
В звуках, запахах, цветах.
И усталою рукою
Вдруг ромашку ты берёшь...
Тени чёрные, как кони,
Убегают от берёз.
И гудят, как ветви, плечи,
И коса в лучах блестит.
Оглушительный кузнечик,
Будто трактор, тарахтит.

*

Сирень сизокрыла, и семь голубей –
как крупные гроздья под ней понарошку,
щекотно клевали от булочки крошки
с ладони моей и ладошки твоей –

с той розовой, ласковой, узкой ладошки,
которую только что дождь целовал.
Неделя для счастья – достаточно долго,
особенно если живёшь одна.

Тебе было только шестнадцать тогда.
Недетская женственность, опытность крови.
И ночь, разметавши, срывала покровы,
и снова взрывалась сверхновой звезда.

Семь дней, семь ночей и четырнадцать зорь,
лазоревых зорь сизокрылой сирени.
Неделя для счастья светлей и воскресней
бракованных лет, обручённых слезой.

Сирень сизокрыла, и семь голубей
щекотно склевали от булочки крошки,
и плыли по лету в плену тополей
в ладони -- ладонь. Нет – в ладони ладошка.

*

Июльским утром выйдешь на крыльцо.
Хоть солнце рыже, но ещё свежо, и
искрится диамантовой росой,
смарагдом густо-налитый крыжовник.
На босу ногу кеды – и бегом
под лай собак соседских до обрыва,
где омут с родниковым кипятком
смывает сон и делает счастливым.
И в плеск до плёса, где тепла вода,
и буйство крови в мускулах упругих,
и крошат реку кролем крылья-руки,
и нету сил со счастьем совладать.

*

Я лягу под солнцем
и буду лежать
и слушать, как травы от ветра дрожат,
Как жар остужать будет ветер.
Я глаз не открою,
услышу и так,
что это кузнечик чирикает в такт
шуршанию крови по вене
травы луговой
и Земли круговой
и сродственной той голубой локтевой,
возвратной к рабочему сердцу.
Услышу, как вянет на солнце трава,
и ветер навеет простые слова –
что смерть пахнет клеверным сенцем,
что песня кузнечика – солнечный тушь
и нежному клеверу –
траурный марш.
Бессмертно и ветренно
пение душ.
И горя мне нет
без ума.

*

Янтарь стекал по сосновой щеке,
мелькали мальки в реке.

Расплавленным золотом залит день,
спасают река и тень.

Воздух шмелист, стрекозист, и солист
кукух кукует вдали.

Имён здесь нет, и времён здесь нет –
лето без памяти лет.

Ночь наступает, и тишина
вокруг и в душе слышна.

*

Импрессия сирени. Утро. Сад.
Весь в кляксах фиолетовых. И солнце
заполнило собою небеса,
рассеявшись сквозь синие высоты.
Мух изумрудных свадебный полёт.
Латунные летуны – за нектаром.
Вечно гундосый толстячок шмелёк
взыскует истины на донце стеклотары.
Цветы, цветы, цветы... Цвета и свет.
И не поймёшь, какой сегодня возраст.
Здесь – всё равно – в сиреневой траве.
Там – на горе – равны кресты и звёзды.
Пусть спеет утро, наливаясь днём,
шмелёк – вином, что твой раблезианец.
И я лежу, счастливейший из пьяниц,
мир посетивший, чтобы спеть о нём.

*

Я здесь был хронически счастлив –
в себя уходил далеко...
С корзинкой грибов возвращаясь,
холодное пил молоко.

В предбаннике жил я. За стенкой –
чистилище – пламенный рай.
Ночами я вкусные пенки
с премудрых страниц собирал.

Количество суток в молчанье
на качество жизни души
я здесь перевёл; я был счастлив –
весёлые вирши вершил.

Кадила ботва огородов –
дым сладок, и горек, и сиз.
Я был ежедневно свободен,
как мало кто был на Руси.

За берег закинулось солнце,
а в бане берёзы зажглись...
Умыться созвездьем – высоты
на розововодье легли.

НЕДВИГОВКА

Недвиговка – подсолнуховый зайчик,
Затерянный в далёкой стороне.
Завещанная пращуром казачьим,
Поблескивает шашка на стене.
Следит старик сквозь мутное окошко,
Как паутинка плещет в уголке.
А по садовой стоптанной дорожке
Спешит хозяйка с яблоком в руке.

Всё также свеж убор её червлёный,
Глаза смешливы, как давным-давно,
И виноград безоблачно зелёный.
По осени искристое вино
Польётся в бочки солнечной рекою
Из-под ноги девчоночьей босой.
Играет время детскою рукою –
С ладони на ладонь течёт песок...

Дед чистит шашку честно, раз в неделю.
Висит в шкафу прадедовский бешмен.
Казак обязан быть при ратном деле,
Всегда готовый пращуру взамен,
Встать на защиту весей порубежных
На боевом нагулянном коне.
А дни идут походкою неспешной.
Звонят к заутрене – и смерти больше нет.

Июльский воздух тих, как будто дремлет,
И на душе покойно и легко...
В Недвиговке не двигается время –
Лишь облака на фоне облаков.

*

Послушай! Я тебя люблю,
Но ты меня не слышишь, дышишь
Во сне так тихо. Мой июль,
Как рыжий кот, сидит на крыше,
Мурлычет сладко, моет нос,
Туманом стелется за птицей,
Но так лениво, не всерьёз,
И норовит тебе присниться
Хоть как-нибудь, хоть невзначай
К тебе пробраться утром ранним –
И ничего не означать –
Он просто кот в оконной раме.

*

Цветы и травы
Пахнут так,
Нельзя не захмелеть.
С горы вся даль распахнута,
Что хочется лететь.

Лететь, лететь
И песни петь...
О чём? Да ни о чём.
Лететь, лететь
И сердце греть,
Чтоб пелось горячо.

От счастья
Сердце выроню,
Зачем теперь оно,
Чтоб стало мне,
Как было мне
Давно,
Давно,
Давно...

РОЖДЕНИЕ СТРЕКОЗЫ

Прекрасен день,
Открывший мне глаза,
На жизнь и мир
Глядевшие спросонок.
Я видел,
Как рождалась стрекоза,
Высвобождаясь
Из своих пелёнок.

От корневища
С илистого дна,
Ещё бескрылая,
По камышинке
От ночи к свету
Выползла она
И задержалась
В чашечке кувшинки.

Был срок воды.
Теперь и солнцу срок.
Перстами света
В теплоте и ласке
Развязан был
Волшебный узелок
На тёмной
Стрекозиной опояске.

И был порыв,
И спинки бирюза
Вся выгнулась
По тайному подсказу.
Как бережно
И долго стрекоза

Вытягивала
Крылышки из пазух.

Те крылышки,
Два лёгких веерка,
Вдруг распахнулись
И заглянцевели,
Качнулись по воле ветерка,
Затрепетали в блеске
И запели.

И вот летит,
Стрекочет над водой,
И кружится вокруг,
И петли вяжет.
В экстазе
Над кувшинкой золотой,
Вся в трепете
Комаринскую пляшет.

В ней жизнь поёт,
О чём поёт, Бог весть,
И торжествует
Над своей утратой.
А что же смерть?
Быть может, смерть и есть
Высвобождение
Души крылатой!

*

Ни зарубки, ни тропки убогой,
Ни огня, ни плакучей звезды...
Друг, давай перед дальней дорогой
Посидим у гремящей воды.

Вот краюха прогорклого хлеба,
А в придачу – охапка колбы.
И пускай, колыхаясь в полнеба,
Застят свет грозовые столбы.

Мы крылатую рыбу искали,
Пробиваясь в верховье реки,
И река своё тело о скалы
Всё кромсала, рвала на куски.

Но смыкались бессмертные воды,
Яро грызли кремнистое дно,
Чуя северный ветер свободы,
До которой идти суждено.

Друг, отбрось сожаления эти
О тропе, о звезде вдалеке...
Сядем, выкурим по сигарете –
И айда по гремящей реке.

*

Нас любит Бог, покуда есть на свете
И лепет трав, и разговор дерев,
Покуда во дворах играют дети,
И всходит звёзд таинственный посев.

Кто счёт открыл, кто с жизнью сводит счёты.
Но есть предел, который знаем мы.
Пусть русский жребий – только повороты
То от сумы к тюрьме, то от тюрьмы...

Но тот отмечен, что грехом измучен,
И вырос к свету, как растёт сосна.
Нас любит Бог – у всех его излучин
Есть и стремнина, есть и глубина.

*

«Сронила колечко», – мы с бабушкой пели...
Подсолнухи зрели, картошка цвела,
Капуста, петрушка, чеснок зеленели,
И к солнцу тянулась от лука стрела.

Мы только что грядки обильно полили,
Почти всю траву пропололи вдвоём,
На уличной печке борща наварили,
Поели, попили и тихо поём.

Валяются туфли мои от Лорана,
Валютное платье, чернёный браслет.
На мне мой любимый халат без кармана,
Который бабуле дарил ещё дед.

«Пускай люди судят», – бабуля выводит,
А я подпеваю: «Пускай говорят».
И вдовая Лида в своём огороде
Притихла и плачет меж свёкольных гряд.

ИЮЛЬ

Александр Ибрагимову

Нам вечер подарил у тихой речки
Сиянье радуги на крыльях стрекозы,
Жужжанье позолоченной осы
И с мёдом чай на солнечном крылечке.

ЭТО Я

Скверик из акаций, клёнов, тополей.
Карусель с лошадкой в глубине аллеи.
Гипсовый мужчина с гипсовым значком
Между листьев смотрит дырочкой-зрачком.
Рядом деревянный в реечках ларёк,
У окошка мальчик нос уткнул в кулёк.
А по тротуару, за руки держась,
С папою и мамой я иду, смеясь.
В платице из шёлка, с сумочкой в руке,
С подзажившей ранкой на худой ноге.
С бантом из капрона в редких волосах,
В маминых, со стрелкой сломанной, часах.
Почему? – не вспомнить – я там хохочу,
Может быть, мальчишке нравится хочу...
Видел или нет он, мне теперь гадать,
Как, за руки взявшись, я могу летать!

*

В берёзовом лесу так тихо и уютно,
Как в побелённом доме, где разожжён очаг.
В берёзовом лесу поверить нам не трудно,
Что друг ещё вернётся, и улыбнётся враг.

В берёзовом лесу, как в старом гулком храме,
И куполами ветви над головой сплелись.
В берёзовом лесу Господь как будто с нами,
Приоткрывает тайну, зачем мы родились.

*

Чистый камень сердолик
В чаше родника алеет.
Я б отдал тебе родник,
Только речка обмелеет.

Я б сорвал рябины гроздь,
Только птицы протестуют.
Я бы срезал в роще трость,
Да люблю листву густую.

Пень берёзовый подгнил.
В нём такая прель и сырость.
Если б я опёнком был,
Непременно здесь бы вырос.

Я прошёл и дол и лог,
Не принёс тебе подарка.
Я хотел сорвать цветок,
Да пчелу согнать мне жалко.

Барабанит по сосне
Дятел весело и гулко.
Дай-ка лучше руку мне,
Подарю тебе прогулку.

Мы пойдём через ручей
Васильковою дорогой
У зари набрать лучей,
Горизонт рукой потрогать.

*

На фоне вечера,
Зарёй просвечены,
Шишки кедровые,
Как вспышки багровые.
Так и просятся
В руки броситься.
По кончику ветки
Кидаю метко.
Жданно-гаданно,
Пахнувшая пряно,
Шишка падает
В ладони прямо.
Частица кедра,
Частица ветра,
Частица солнца
В ладонях жжётся.
В ней зной и нега,
В ней бьётся смолка,
В ней песня неба
Ещё не смолкла.

СОДЕРЖАНИЕ

Виктор БАЯНОВ

РОДНИК.	2
«Дождик льёт, дождик льёт...»	3

Борис БУРМИСТРОВ

ЛЕТО В ОДЕССЕ	4
СЕМЕЙНОЕ ФОТО	5

Леонид ГЕРЖИДОВИЧ

КОРОСТЕЛЬ	6
РОДНИК.	7
ЛЕТО	8
«Сосны сдвинулись с места...»	9
В ЛЕС УЙТИ	10

Сергей ДОНБАЙ

«В глубоком зените колодца...»	11
«Скука...Теннис до упаду...»	12
«Серебристый воздух сквозь деревья...»	13
«Блаженствую на пляже. Загораю...»	14
ВОСПОМИНАНИЕ О ПИОНЕРСКОМ ЛАГЕРЕ	15
ЛЕСНОЕ ЛЕТО	16
«Облака последние крылами...»	17

Валерий ЗУБАРЕВ

«Стою, потрясён, распахнут...»	18
--	----

Александр ИБРАГИМОВ

ЛЕТО 1993	19
«Стихи нахлынули, как слёзы...»	20
«Влажно-зелёный летний закат...»	21
«Божество живёт в семье...»	22
«Сжигаю пажму на костре...»	23
«Полупрозрачный дождик травный...»	24

ОЗЕРО-КОПЫТЦЕ	. 25
ВОСПОМИНАНИЕ О ЛЕТЕ 1991 ГОДА	. 26
ЛЕТУШКО В ЮГО-АЛЕКСАНДРОВКЕ	. 27
«Заавгустели облака...».	. 28

Владимир ИВАНОВ

ВОСПОМИНАНИЕ О ДЕТСТВЕ	. 30
«Листва наперечёт...»	. 31
ЖЕЛАНИЕ	. 32
«Взмахи веток и солнце с утра...»	. 33
НА РОДИНУ ЕДУ.	. 34

Александр КАТКОВ

«Прямо в сад выбегали ступени...»	. 35
---	------

Игорь КИСЕЛЁВ

«Как дышится в лесу!..»	. 36
«Кажется, всё было так недавно...»	. 38
«Не знаю, к несчастью ли, к счастью...».	. 40

Дмитрий КЛЁСТОВ

«Порой отчётливо, до боли...».	. 41
--	------

Виктор КОВРИЖНЫХ

«Везёт мне: я родился и живу...».	. 42
«Лопухи, крапива, лебеда...».	. 43

Татьяна КОЛАЧ

ЗАРИСОВКА ДОЖДЯ	. 44
---------------------------	------

Николай КОЛМОГОРОВ

«Вот оно, видение детства...»	. 45
«Июльский жар, спаливший всё живое...»	. 46
«Мой дом деревянный на взгорке...»	. 47
«Нарисованы синим далёкие горы...»	. 48
«О грозах жизни, что гремят в веках...»	. 49

«Под хорошо отбитою косою...»	50
«Лежать в траве и в небеса глядеть...»	51
«Вёсла бросим. Водная стремнина...»	52
«Снова ты в этом мире...»	53
«Не спеши, о зелёное лето...»	54
«Слышу дни, когда дом наполнялся...»	55
«Пора кучевых облаков...»	56

Татьяна КРАВЧЕНКО

«Спрячут глаза одуванчики – вечер...»	57
«Покрыта полем русская земля...»	58
СЕСТРЕ	59
«Спит трава, едва колышется...»	60
«У края зыбкого простого дня...»	61
УЛЕТАЮЩИМ ОДУВАНЧИКАМ	62

Виталий КРЁКОВ

«Наша бедность граничила с Богом...»	63
НОЧЬ В ДЕНИСОВЕ	64
«В день воскресный уйду одинокий...»	65
В ГОСТИ	66
«Июльский день свежал...»	68
«Люблю, Мария, я твой дом...»	69
«В твои глаза ночь выдышала росы...»	70
«Незабудки голубеньким снегом...»	71
ПОЛЕ МАТЕРИ.	72

Иосиф КУРАЛОВ

СИРЕНЬ	73
«Навоз возами привозили...».	74
ВЕТЕР ТРАВ	75

Олег МАКСИМОВ

«В логу ручей. По берегам...»	76
«Как тихо утром на реке...»	77

Валентин МАХАЛОВ

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР	78
ПЕРЕД ДОРОГОЙ	79

Дмитрий МУРЗИН

ОДЕССА. ЛЕТО 1977 ГОДА	80
----------------------------------	----

Наталья МУРЗИНА

ДОМ	82
«Дождь проснулся в облачной перине...»	83
«Заповедный приют – потаённый...»	84
ЛЕТО В АПРЕЛЕ	85
«Летнее поле...»	86

Михаил НЕБОГАТОВ

АВГУСТ	87
В ДЕТСТВЕ.	88
ЗНОЙ	89
Я ПРИВЁЗ...	90
КАК ЛЕТОМ В ПОЛЕ	91
ГУСТАРЬ.	92

Татьяна НИКОЛАЕВА

СЕРАЯ КОРОВА	93
------------------------	----

Любовь НИКОНОВА

«Я лежала на тёплой земле...»	94
«Все кукушкины слёзки...»	95
«Когда томно в душе, как в лесу...»	96
«Я живу под столетней ветлой...»	97
СТИХОТВОРЕНИЕ ДЛЯ МАМЫ	98

Андрей ПРАВДА

«По пояс в августе замолкшие леса...»	99
«Нынче странно, тонко, нежно...»	100
«Колючки, пыль. Жара на взлёте...»	101
«Мягкохвойная память арчи...»	102

ПОЛДЕНЬ	103
«Окрапивленный воздух лета...»	104

Владимир ПОТАШОВ

«Далёкая мальчишеская быль...»	105
«Там, где тянутся к небу скрипучие сосны...»	106
«Строчит полевой молоточек...»	107
«Прибежала солнечная тучка...»	108
«Средь земляничника весёлого...»	109
«Крутояр. Берёзы. Поле...»	110

Александр РАЕВСКИЙ

ДЕТСТВО	111
ЛУГОВАЯ НОЧЬ	112
С ПОКОСА	113

Сергей САМОЙЛЕНКО

ПЕЙЗАЖ В ОВЕРЕ ПОСЛЕ ДОЖДЯ	114
ГЕРБАРИЙ	115
«Сферическое зеркало рассвета...»	116

Анатолий САУЛОВ

«Травы тонкие качают...»	117
СЕНОКОС	118

Руслан СИДОРОВ

«Сирень сизокрыла, и семь голубей...»	121
«Июльским утром выйдешь на крыльцо...»	122
«Я лягу под солнцем...»	123
«Янтарь стекал по сосновой щеке...»	124
«Импрессия сирени. Утро. Сад...»	125
«Я здесь был хронически счастлив...»	126

Ирина ТЮНИНА

НЕДВИГОВКА	127
«Послушай, я тебя люблю...»	128

Василий ФЁДОРОВ

«Цветы и травы пахнут так...»	129
РОЖДЕНИЕ СТРЕКОЗЫ	130

Евгений ХУДОБИН

«Ни зарубки, ни тропки убогой...»	132
«Нас любит Бог, покуда есть на свете...» . . .	133

Людмила ЧИДИЛЯН

«Сронила колечко» мы с бабушкой пели...» .	134
ИЮЛЬ	135
ЭТО Я	136
«В берёзовом лесу так тихо и уютно...» . . .	137

Геннадий ЮРОВ

«Чистый камень сердолик...»	138
«На фоне вечера, зарёй просвечены...» . . .	139

УДК 882(571)
ББК 84 Р7 (2Р-4Кем)
С 60

С 60 СОЛНЦЕСТОЯНИЕ. ЛЕТО.

Стихи кузбасских поэтов. –
Кемерово, 2015. – 146 с.

ISBN 978-5-9908276-1-5

Директор проекта:
Б.В. Бурмистров

Редактор:
Н.Г. Ибрагимова

Составители:
**А.Г. Ибрагимов, Н.М. Инякина,
Г.И. Карпова, С.Л. Старовойтова,
Н.В. Налегач**

Редакционный совет:
**Б.В. Бурмистров, А.Г. Ибрагимов,
Н.Г. Ибрагимова, Г.И. Карпова**

Вёрстка:
А.Г. Торощин

Графика:
Николаева Т.Н.

Корректурa:
**Г.И. Карпова,
Н.М. Инякина**

ISBN 978-5-9908276-1-5

© «Дом литераторов Кузбасса», 2015

Отпечатано в типографии ООО ПК «Офсет»:
650055, г. Кемерово, ул. Пролетарская, д. 9.
Т.: (3842) 34-96-41. Тираж 550 экз. Заказ № 353

ЦДК